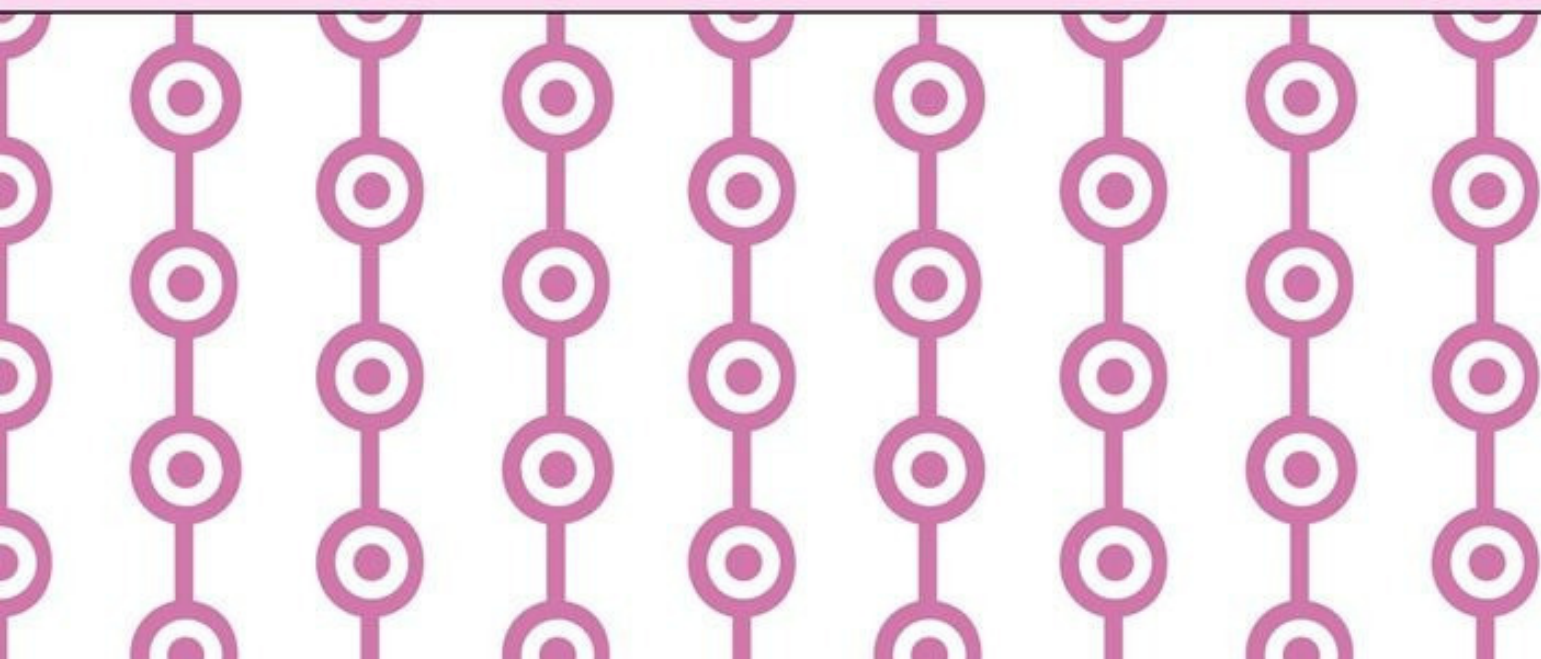

18+ Голованов Антон

*Ленин-кышь,
Ленин-мышь,
Ленин-
тохтамышь!*

Рассказы о «самом человечном человеке»

Голованов Антон

**Ленин-кышь, Ленин-мышь,
Ленин-тохтамышь! Рассказы
о «самом человечном человеке»**

«Издательские решения»

Антон Г.

Ленин-кышь, Ленин-мышь, Ленин-тохтамышь! Рассказы о «самом
человечном человеке» / Г. Антон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837150-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Ленин-кышь, Ленин-мышь, Ленин-тохтамышь!

Эта фраза имела хождение еще во времена СССР. Якобы так, на одном из среднеазиатских языков звучит крылатое — Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить! История движется вперед. Очень хочется надеяться, что движение ее поступательное, и мы никогда уже не вернемся в те времена, о которых не особенно хочется вспоминать. Мир меняется. То, что некогда внушало страх, сегодня воспринимается как фарс. И слава богу. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-837150-9

© Антон Г.

© Издательские решения

Ленин-кышь, Ленин-мышь, Ленин-тохтамышь!

Рассказы о «самом человечном человеке»

Голованов Антон

© Голованов Антон, 2017

ISBN 978-5-4483-7150-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наш паровоз вперед летел...

Фридрих Энгельс писал, что история человечества, есть не что иное, как история войн. Эта мысль и тогда была не нова. Ее трудно оспорить во все времена. Я с ним согласен полностью. Факт, как известно, самая упрямая вещь в мире. Военная наука, в своем развитии, тесно связана с изобретением, различного рода, оружия. Каждой эпохе соответствует свое ноу-хау в области массового взаимного истребления. Наиболее выдающихся результатов в этом направлении, человечество достигло в XX веке. От колючей проволоки, с висящими на ней внутренностями под трели пулемета «Мэхим», через лязганье танковых гусениц и реактивную тягу, вояки бравым маршем дошли до ковровых бомбардировок и термоядерной истерии. Однако, самое великое, по своей поражающей мощи, и долгоиграющим последствиям применения, на мой взгляд, показал миру, немецкий бравый «гусар», боевой генерал от инфантерии Эрих Людендорф.

Мишенью он выбрал, разумеется, Россию, ибо видел в ней заклятого врага. Шла первая мировая война. Мир сходил с ума и каждый в своем безумии норовил переплюнуть соседа. Хотя Эрих и не слыл садистом, в отличие от своего младшего товарища Адольфа, однако по тому, как его поминают, особенно у нас, ему непрерывно икается в аду, в теплой компании Нерона, Кортеса, Ваньки Грозного и им подобных. Его смертоносное острие, осталось в истории под названием – «эксклюзивный десант российской социал-демократии в тылы врага». Пущенный Людендорфом снаряд, угодил точно в сердце, смертельно больной, но все еще содрогающейся Российской империи. Великий Колосс рухнул, накрыв обломками обширные пространства и массу народов.

В этом своем, небольшом рассказе, я хочу описать не сам поражающий элемент, его свойства или структуру, эта тема мне представляется неисчерпаемой. Меня заинтересовал процесс его доставки в цель посредством немецкого пломбированного вагона. Я попытаюсь изложить своим языком все, что этим связано, что донесла до нас история, хотя ее регулярно вымарывают.

Приступая к повествованию, начну издалека. Жил тогда некто – Александр Львович Парвус, человек очень не глупый, неутомимый и амбициозный. Как все авантюристы он отличался крайней беспринципностью. Даже по прошествии долгих лет, мало кто представляет, чего же в конечном итоге хотел этот типчик. Мнения на этот счет различны. Однако все сходится в одном, лучше бы его не было вовсе. Германским подданный, он наследил повсюду, где мог, в самой Германии, в России, Турции, Швеции, на Балканах. Подолгу Парвус нигде не задерживался. Везде где он ни появлялся, играючи плел разнообразные интриги в высоких эшелонах власти, кидая, как у нас говорят всех, на право и на лево, имея к этому не бывалый талант. А подзаработав капиталца, весьма сомнительными методами, всегда успевал исчез-

нуть незадолго до того, как у кого либо, созревала решимость прострелить ему голову. Многие из «сильных мира того», зная, что от Александра Львовича за версту воняет проблемами, тем не менее, ввязывались с ним в совместные проекты, дружить против кого-либо и оставались в сухом остатке под забором. Беспринципность и жажда наживы сделали его очень богатым. Махинатор ни чего не выращивал, ничего не производил, а только торговал товаром особого свойства. Одним из первых в новейшей истории, Парвус посягнул на прерогативы королей. Стал использовать высокую политику для своего, личного обогащения.

Если верить в теорию о переселении душ, то более поздней инкарнацией Александра Львовича, вполне мог стать Борис Абрамович Березовский, весьма схожий с великим прохиндеем начала XX века необычайным талантом извлекать из масштабных неурядиц личную выгоду. Оба всплыли на смене эпох, мнили себя демиургами, много где и кому нагадили, истоптали массу народа и, оставив по себе дурную память, сгинули на чужбине.

Но тогда, в 1917 году, Александр Львович был в силе. В Европе сильно штормило и он, удачливый и самовлюбленный прыгал с одного высокого гребня волны на другой. Говорят именно этот черт, умудрился вбить в голову очень не простого и упрямого прусака Эриха фон Людендорфа, начальника немецкого генерального штаба, идею начинить железнодорожный вагон смертельной заразой и пустить его по рельсам в направлении России. К тому же он ссудил это предприятие не малыми деньжатами, работая на перспективу.

Однако, что посеешь, то и пожнешь. На всякого Парвуса, найдется свой Ленин. Результат этой масштабной и красиво задуманной железнодорожной аферы, прошел мимо великого комбинатора и денег ему не вернули. Он рассчитывал в случае победы революции на искреннюю благодарность от ленинской гоп-компании и как минимум портфель министра финансов в обновленной России, а получил по-ленински кукиш с маслом. Александра Львовича оплевали со всех сторон и поделом. Уселся жулик играть, за карточный стол в компании германских эмиссаров, сынов железного канцлера и большевиков, которым в умении передергивать и шельмовать, в истории не было равных. Первые, не вникая в подробности, били канделябром по голове, вторые имели в рукаве по восемь тузов. И те и другие попользовали Парвуса как базарную девку, а на утро сделали вид, что не знают даже его имени. Кто сейчас помнит Александра Львовича, хитрого местечкового еврея, достигшего заоблачных высот, интригана и проходимца с большой буквы? Прах и пепел! А plombированный вагон нет-нет да и проскочит где ни будь..

В конце марта 1917 г., по воспоминаниям швейцарского социал-демократа Фридриха Платтена, на Цюрихском вокзале, собралась большая, разношерстная группа шумных, плохо одетых людей, представлявших между собой «Цветом российской социал-демократии в изгнании». 99,8% из них, были евреи. Подобно вечному жиду, они долгое время скитались по Европе, выискивая лучшую долю, и теперь, осознав, что им нигде не рады, возвращались на родину, в «не мытую Россию», отнюдь, заметьте, не для того, чтобы ее отмыть, как показала история, а еще больше запачкать. Революционеры, возмутители спокойствия, демагоги, террористы, и проходимцы, вся эта мусорная, цветастая шобла, переминаясь с ноги на ногу, с нетерпением ожидали двух событий. Первое, когда подъедут их старший товарищ и вождь, Владимир Ильич Ленин с супругой, под имя которого, германская разведка, и гарантировала, проезд в комфортабельном plombированном вагоне. И второе, когда подадут собственно сам вагон. Время тянулось медленно. Ленин, зная, что без него не уедут, опаздывал, и состав подавать так же не спешили. Социал-демократы, тем более евреи, особой любовью, со стороны работников депо, как в прочем и остального швейцарского пролетариата, увы, не пользовались. Погоды стояли промозглые, ветреные, революционеры промерзли, поскучнели и стали тихо роптать. Что бы чем-либо занять товарищей, Григорий Евсеевич Зиновьев, наиболее близкий Ильичу соратник, могущий, в случае чего послужить козлом отпущения, затеял импровизированный митинг. Однако в товарищах, рангом пониже, его порыв не высек искры и пламени

не занялось. Им хотелось в сытое тепло. Поодаль егозили люди в черной полицейской форме. Им не терпелось отправить все это гавно подальше из Цюриха. Куда не важно, да хоть бы и в ад.

Ленина заприметили издалека. Он молодецки выскочил из подкатившего к вокзалу экипажа и галантно подал руку Надежде Константиновне, своей супруге. Расплатившись с извозчиком, держась друг друга, энергично размахивая зонтами, вдвоем они проследовали в направлении группы товарищей. За ними семенил, сторбленный под тяжестью дюжины чемоданов носильщик.

В отличие от всех остальных, пара Лениных, выглядела вполне себе импозантно. Одеты, были они хорошо, по последней моде, к тому же бодры, веселы и беззаботны. Казалось, что это преуспевающие буржуа и жизнь их радует со всех своих сторон. Большевистская касса, пополняемая отжатыми у «мироедов-экспроприаторов» деньгами, не пустовала и все было хорошо, однако в дорогу, предтечу нового мира, великого революционера-марксиста звала ненасытная жажда величия, вера в сопричастность к вершению судеб мира и неугомонный, непоседливый, присущий ему дух авантюризма. Ленину не терпелось померить, так сказать, штангенциркулем если не вселенную целиком, то хотя бы матушку Россию, занимавшую на мировом глобусе весьма внушительную площадь.

По прибытию вожака подали и состав. Но вскоре, как это бывает у русских, по закону жанра, при посадке произошел некоторый конфуз. Выяснилось, что по условиям сделки, на границе с Германией, в вагон должны были подсесть два высокопоставленных немецких офицера, в качестве соглядатаев, что бы, не дай бог, вся эта крайне не надежная публика не рассосалась по просторам великого Рейха. Поэтому одно купе необходимо было оставить свободным. Четирем товарищам, волей судьбы не суждено было войти в историю, как участникам исторического десанта. На перроне оставили одну беременную бабешку, принадлежавшую партии Паолей-Цион, двух проходимцев анархо-коммунистов, по национальности грузин и автора книги «Выдающиеся личности русской революции», доктора Оскара Блюма. Последний напился как рейтар и едва держался на ногах. Вообще Блюма, Ильич не жаловал. В своей книге, доктор отвел Ленину весьма скромное место, упомянув его заслуги лишь дважды и то в сомнительном, для пользы революции, контексте. Кому не хватит места в вагоне, вождь решал самолично, руководствуясь изобретенным по этому случаю им самим, принципом демократического централизма. Особенность ленинской модели, отточенной позже до совершенства его преемником Иосифом Виссарионовичем, соответствовала формуле – «Меньшинство беспрекословно подчиняется мнению большинства. А выразителем мнения большинства, является непосредственно сам вождь!»

Подгоняемые тем, что главный идеолог, может на ходу придумать что-нибудь еще, отъезжающие, загрузились достаточно быстро. Каждый из партийцев, глядя на оставшихся прозябать в тоске товарищей, был в душе рад, что выбор пал не на него, ибо с Владимиром Ильичом уезжала и касса, то волшебное корытце, ставшее впоследствии предметом горячего вожделения любого партийного функционера. Наконец два раза протяжно свиснув и пустив клубы пара, паровоз потянул за собой вагон. За окном, стоя на перроне, уплыли в небытие экзальтированная, беременная сионистка, два экспрессивно жестикулировавших кавказца и качаемый ветром, дурашливо улыбающийся Оскар Блюм.

Рассовав, чемоданы и коробка по полкам и скинув верхнюю одежду, все пассажиры, по команде партийного клоуна, массовика-затейника Карла Радека, встали и затянули «Интернационал». Драть глотки в поездках, изображая хоровое пение, было исконно российской традицией, возведенной в ранг ритуала, которому в те времена, следовали многие соотечественники. Но распевать революционные гимны, после того как в вагон сядут немецкие офицеры, Ильич счел не этичным. Поэтому обязательную программу решили откатать сразу и уже только за тем, немного перекусить и выпить.

После «Интернационала» исполнив ленинские любимые «Не плачьте над трупами павших бойцов» и «Нас венчали не в церкви». А уже после практически весь вагон пустился в пляс, под зажигательные «Семь сорок» и «Хава нагила». Владимир Ильич поморщился – Можно подумать, что мы следуем, не в колыбель русской революции Петроград, а какой ни будь Бердичев! Однако евреи, как свойственно их национальному темпераменту, вспыхивать как порох, но гореть не долго, вскоре угомонились и полезли по чемоданам, желая подкрепиться, ибо знали, что основные испытания их ждут впереди.

Ленин и Крупская, делили купе с четой Зиновьевых. Прикрыв по плотнее дверь, что бы ни раздражаться присутствием товарищей по партии, они выложили на стол вареные яйца, огурцы, курицу, свежий хлеб и круг колбасы. Ленин достал литровый штоф первоклассного шнапса, который хранил при себе уже несколько недель, ожидая случая. Выпили смачно и закусили. Вскоре процесс повторили.

Через короткое время, в противоположном конце вагона, послышалась возня. Как и следовало полагать, революционеры не поделили место в сортире, единственном на всех. (Второй, возле купе, где должны были разместиться немцы, держали закрытым.) Офицеры Великой Германии отличались брезгливым снобизмом и не желали делить отхожее место с российской социал-демократией. Потасовку устроили эсеры, склонные в любых спорах быстро переходить на мордобой, и БУНДовцы, хотя и меньшие числом, но такие, же борзые, не толерантные и политически безкультурные. Ленину лично пришлось принимать участие в улаживании конфликта. Поименовав себя в отсутствии немцев главным в поезде, он пригрозил впредь любых скандалистов высаживать на ходу, как говорят у нас, без суда и следствия. Эти угрозы возымели действие, но только до тех пор, пока на границе двери тамбуров не опломбировали.

Не за долго до этого, на полустанке Готмадингген, в вагон, гремя шпорами и саблями, вошли и заняли свое купе два важных, похожих на петухов, прусских военных Арвид фон Планиц и Вильгельм Бюриц. Офицеры представляли в этой афере германский генеральный штаб. Согласно приказу, сопровождающие должны были присматривать за тревожными пассажирами, на протяжении всего пути следования по территории родного «Фатерланда». Старший из них фон Планиц, безошибочно распознав во Владимире Ильиче главаря, поманив его пальцем, увлек в свои апартаменты и долго о чем – то с ним беседовал за закрытыми дверями. Все остальные социал-демократы и прочие революционеры, имитируя «ordnung» сидели, как мы говорим, тише воды, ниже травы.

Через половину часа, Ленин появился в вагонном коридоре в хорошем настроении и, пригрозив высыпавшим из своих купе товарищам пальцем, с беззаботным видом, проследовал на свое место. Немецкий служака, оказался навскидку не плохим мужиком. Дав Ильичу вводную, зачитав инструкции и пригрозив санкциями, поручил последнему следить за порядком, за тем выпил рюмку коньяку, закусил лимоном и отпустил последнего восвояси, наказав, по пустякам его не беспокоить.

Пересечь всю неметчину от Швейцарии, до Балтики на поезде, даже по тем временам, можно было за сутки, однако учитывая условия военного времени, поезд шел очень медленно. Ехали преимущественно днем, по ночам, же состав отгоняли в тупиковые отстойники на крупных узловых станциях. Пассажиры пломбированного вагона обрыдли друг другу настолько, что перестали здороваться по утрам. Жаркие политические диспуты, сменились общей коллективной депрессией. Оживление происходило лишь в те редкие моменты, когда кому-либо удавалось раздобыть алкоголь и имело выраженный очаговый характер. Ибо выпивали не все вместе, а исключительно по принадлежности к какой-либо партийной фракции. Немцам, как хозяевам положения, приходилось легче. Время от времени, они запирали вагон с революционерами снаружи и до утра зависали в станционных буфетах.

На третьи или четвертые сутки в вагоне, как было отмечено в отчете фон Плауница, произошла драка. В купе через стенку, Ленин сцепился с Зиновьевым. Причина не стоила,

как говорят, выеденного яйца, но катализатором потасовки, как всегда бывает, выступила женщина. Между пассажирами возник жаркий спор, касательно того, чем собственно, в свете последних идей, является материализм. Надежда Константиновна Крупская, супруга Ильича, лежа на верхней полке, упирала на то, что бога нет, все люди братья, и все равны. Зиновьев же, внизу, поедая курицу, трактовал эту философскую категорию иначе. Дескать, материализм, это когда хорошее пальто, на голове шляпа, на ногах модные ботинки, которые не жмут и в кармане тугой кошелек. Все остальное уже не так важно. Приложится по ходу пьесы. В пылу дискурса Крупская обозвала Григория Евсеевича бурбоном, а тот ее в ответ прошмандовкой. Ленину эта перепалка не понравилась и ему как самцу, пришлось вступить за честь супруги.

Хотя Зиновьев был крупнее Владимира Ильича, зато последний был более верток и умел драться. У Ленина некогда имелся старший брат, будущий террорист, бросавший бомбу в царя, и имевший крутой нрав, или как сейчас говорят абсолютно безбашенный. Он частенько третирует маленького Володю, а тот в свою очередь отыгрывался на младшем брате Митеньке. А потом Илья Николаевич, его родной отец и по совместительству смотритель уездных гимназий, иногда порол розгами маленького Ленина, что, безусловно, закалило характер легендарного революционера. Зиновьев лишь раз заехал Ильичу по скуле, после чего Ленин уже не давался. Молотил Григория Евсеевича как боксерскую грушу. Работал жестко в корпус, до тех пор, пока у Зиновьева не разыгрался приступ астмы. Вся социал-демократия увлеченно наблюдала за потасовкой, делая ставки и улюлюкая.

Драку разнимали немцы. Фон Планиц заломил руку задыхающемуся Зиновьеву, а Бюриг сгрел в охапку Ленина. Ильич, даже оказавшись обездвиженным, изловчился и пнул оппонента под коленную чашечку. На что военные отметили не плохие бойцовские качества вождя российской социал-демократии. Как ни странно больше всех пострадал Планиц. В пылу сражения у него выпал монокль, который раздавили.

Следующую трату понесли немцы сутки спустя. Терпилой, в этом случае стал Бюриц. Владимир Ильич, по воспоминаниям товарищей по партии очень хорошо играл в шахматы и вообще был крайне азартным типом. Однако шахматы, в багаже революционера, занимали много места и казались не практичными. То ли дело, колода карт. Ленин обожал расписать пульку, и всегда выигрывал. Он не был шулером, упаси бог, просто имел математический склад ума и был способен, как никто иной концентрировать внимание. Говорят, что и женился он, благодаря карточной игре. Надежда Константиновна, красавицей не была. Достаточно посмотреть на ее фото. Будучи ссыльным в селе Шушенском, Владимир Ильич, скрашивал дни игрой в карты на раздевание. В один момент, обыграв Наденьку, молодой Ильич, не сдержался и овладел ей. Ну а после этого, как дворянин, был обязан жениться, что и сделал. После этого Ленин на раздевание не играл, а брал по гривеннику за вист.

Помирившись с Зиновьевым уже на следующее утро, как это бывает у российских социал-демократов, два матерых большевика, затащили в свое купе младшего офицера Вильгельма Бюрига и безжалостно обули его в преферанс. Получив паровоз на мизере, немецкий служака, лишился месячного денежного довольствия, золотых швейцарских часов и янтарного мундштука. Будучи настоящим арийцем, Бюриг с нордической стойкостью перенес поражение и даже не требовал реванша. Весь остаток пути он ехал, молча Пару десятилетий спустя, гоняя plombированные вагоны в Заксенхаузен и Майданек, Бюриг, очень сожалел, что путевые стрелки в том, уже далеком 1917-м, имели другое направление.

Когда поезд прибыл в Гамбург, где чумная бацилла, как называл ее позже Уинстон Черчилль, то бишь, социал-демократический десант, должен был пересесть на пароход, идущий в Швецию, никаких слез, навевных расставанием, не было. Немцы, сдав пассажиров таможенным властям, удалились строевым шагом в промозглое, туманное утро. Зиновьев послал Аксельрода попытаться выменять у докеров, на бюриговский янтарный мундштук спиртного. Надежда Константиновна ежась от холода, куталась в мантию и на кончике ее носа застыла мут-

ная капелька. Ильич был бодр, ибо стоял перед развершимися воротами и готовился шагнуть в историю. Остальные беспредметно голосили, кашляли, сморкались. Холодный воздух резали парходные гудки.

Всех пассажиров того эпохального plombированного вагона, как мифический Уран пожирает своих детей, схарчила их же революция. Немногих оставшихся, в назидание потомкам сгноил Иосиф Виссарионович Сталин в колымских лагерях. Может быть, если бы кто ни будь, тогда в Германии не долил в паровоз воды, или не насыпал в тендер угля, или сломал стрелку, а то и все вместе, история бы сложилась иначе. Однако в Германии, пусть даже голодающей и воюющей, по другому быть не могло. Очень хочется надеяться, что в следующий раз, когда кто то захочет отправить подобный состав в Россию, то доморощенные логисты проложат маршрут через другие земли, например, Грецию, Болгарию, Румынию или на худой конец, Польшу. И пусть заранее предупредят, что бы успеть разобрать на границе рельсы.

История одного госпереворота.

Всемирный исторический процесс – вещь, по сути, многофакторная. Это значит, что на его развитие влияет множество условностей, иногда даже недоступных невооружённому глазу. Подобно тому, как астроном Гершель высчитывал траектории планет, визуально не наблюдая их, но лишь примечая производимые ими пространственные возмущения. Так и любой мелкий камушек, попавшийся на пути стремительного бега событий, может перенаправить их в какое-нибудь непредсказуемое русло.

К примеру, если бы памятный Октябрь 1917 года выдался не столь холодным или скупые Петроградские буржуи-мироеды добровольно открыли винные склады для беснующейся черни, не вынуждая толпу их брать приступом, – возможно, мы бы жили в другой, более сытой и счастливой стране. Позднее коммунистические идеологи как могли, отрицали объективность этого факта. В некоторых случаях, используемый ими метод диалектического материализма подменял собою здравый смысл. А придворные шелкоперы возводили частную, малопривлекательную теорию в ранг вселенской аксиомы. Каждый из них хотел отметить перед своим партийным руководством, выпрыгивая из штанов, в надежде что заметят и пустят поближе к корыту. Вот это железный закон, проверенный временем. На самом деле всё случилось куда более витиевато.

...Холодный промозглый ветер гулял вдоль прямых, как линейный аршин каналов и тёмных Петроградских улиц, задирая полы пальто редким прохожим и срывая с них шляпы. Обыватель предпочитал носа из дома не показывать – по улицам шастали рабочие военные патрули, а по подворотням хозяйничали бандитские шайки. И те и другие могли запросто ограбить, пустить пулю в затылок, а тело сбросить в канал. Отличались одни от других, только тем, что уголовники были пьяны наполовину и могли бегать, пролетарская же милиция, «в хлам» и могла только стрелять. Причем многие из патрулировавших, крайне плохо разговаривали по-русски, а некоторые языка не знали вовсе. Наступала новая эпоха и ее герои уже начинали делить мир, нагибать его под себя. Без винтовки, а ещё лучше без ручного пулемёта выйти подышать воздухом представлялось крайне рискованным предприятием.

Иногда моросил мелкий холодный дождик. Тротуары были грязны, их никто не убирал. Дворник, хоть и пролетарий, но классовый сознательности ему было далеко. Элемент, в основной массе своей подавшийся в родную деревню, предвидя скорый голод и разруху. «Революционная» фронда: матросня, фронтовые дезертиры, мешочники-спекулянты, просто пролетарии, уставшие от снулой беспросветной жизни, оценив прелесть безделья и вольницы,

сбивались в разношерстные неуправляемые стаи и у больших жарких костров, которых в тот вечер по Питеру полыхало великое множество. На топливо шла мебель, заборы, магазинные вывески, а так же припасённые обывателем на зиму дрова. Все жили только настоящим днём. Завтрашний день, если и будет, то он не интересен. История делается сегодня и только сейчас. Всюду в мистическом, зловещем зареве слышались гогот, ругань и шум потасовок.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) пробирался к Смольному институту – бывшему пансиону благородных девиц, а ныне месту, где располагалась вся большевистская тусовка, позднее поименованная «штабом». Его сопровождал «верный пёс», он же проверенный товарищ, чухонец по фамилии Ряхья: худой, высокий, отталкивающей внешности человек, сжимающий по карманам два нагана и нервно озирающийся по сторонам.

Пара инкогнито пробиралась парками, подворотнями и тёмными улицами. В кронах деревьев Летнего сада металась зловещие тени, поверхность Невы ветер морщил крупной рябью. Выйдя из очередной подворотни на набережную, будущий вождь мирового пролетариата и его спутник неожиданно увидели ярко освещённый, ощетинившийся бортовыми орудиями гвардейский крейсер «Аврора». На корабле, судя по всему, шло гульбище. На пугающем чернотой, ненастном небосводе хаотично мелькали пускаемые с крейсера лучи прожекторов. Играла гармонь. Осипшие матросские глотки нестройным пьяным хором орали матросские песни. Иногда диссонансом звучал развратный женский смех.

– Пьют, суки! – больше с завистью, нежели со злобой или осуждением, сквозь зубы прошипел Ленин.

– Да-а, сейчас везде пьют, кому есть чего – согласился Ряхья по-фински, минут через пять.

Вскоре оба революционера вышли к Смольному. Здесь они почувствовали себя в относительной безопасности, подобно рецидивистам, укрывшимся в «малине». Тротуар вёл их вдоль красивой бесконечной изгороди литого чугуна, сквозь которую виднелся больших размеров особняк. Окна его ярко светились электричеством, слышался шум, возня, оклики, несмолкаемый гул голосов. Во дворе, перед парадным входом и по сторонам, пылали вышеупомянутые костры, на их фоне неуверенной пьяной походкой проплывали чёрные силуэты.

Российская политическая ситуация к тому моменту достигла небывалого накала. Ушло в небытие, организующее укрепляющее и карающее организационное начало. Теперь каждый босяк, подобно королю Людовику IV, государством считал себя. Однако в отличие от короля, он не полагал на себе никакой ответственности. Грабь награбленное! Жри от пуза, бухай, пляши на костях, чем не жизнь! А если пустишь кому кровь, так и уважать начнут. Просто так, по исконной русской традиции: «Боятся – значит уважают!».

Наступало время решительных действий. Пока страна еще бьется в агонии, не все потеряно. Необходимо было найти выход, иначе не выжить. С одной стороны – немец, с другой – саботажник, с третьей – бандит, а с четвёртой – голод с разрухой. А над всем этим безобразием всё явственнее проступает силуэт страшной и неопрятной старухи с косой. Различные партии изводили себя склоками, травили друг друга, лгали и сводили на «нет» любой политической дивиденд, который удавалось приобрести неимоверными усилиями. К октябрю инициативу в этой вакханалии перехватили большевики как самая популистская, бессовестная и беспринципная сила. То, что с люмпенами и бандитами они разговаривали фактически на одном языке, давало им немалую фору перед другими. Бандит и люмпен грозная революционная сила. Бежит не далеко, зато быстро. Сгорает на раз, зато горит жарко. Ленин это прекрасно понимал. Политическая арена России 1917 года изобиловала массой разнообразных, подчас комических персонажей. Некоторые из них шутили, но так, что смеяться не хотелось, напротив, бросало в холодный пот. Всеми правдами и неправдами, где угрозам, а где подкупом проник-

нув в российский политический бомонд и желая добить его окончательно, Ильич и компания решают провести так называемый, II Съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это конечно была не воровская сходка, но и не народное вече. Глубоко сомнительное, рисковое предприятие устраивалось для небольшой горстки авантюристов, разбиравших рельсы на пути локомотива под названием «Великая Россия», на всех парах, летящего под откос.

Как я уже упоминал, в ожидании того как съедется кворум единомышленников, самые радикальные «перцы» российской социал-демократии облюбовали себе Смольный институт. На первом этаже здания топтались депутаты низового звена, по большей части, бежавшие с фронта окопники. Некоторые дезертиры жили здесь чуть ли не с февраля. Все они пьянствовали, дрались, и загаживали всё, до чего только могли дотянуться. Здесь же располагался и секретариат, фиксирующий вновь прибывших, справлял им мандат и ненавязчиво выяснял политические воззрения депутата. Поскольку из довольствия большевики могли им предложить только кипяток, то многие из них выходили в город на грабёж, чтобы худо-бедно добыть себе пропитание. Вся эта вонючая, серая солдатская масса хаотично сновала туда-сюда, тёрлась друг о друга, выделяя тепло. Здесь, как в горниле, закалялся становой хребет будущей красной армии, опора большевиков, её мозолистая рука, сжимающая винтовку.

На второй этаж, который облюбовали себе революционные матросы, лапотников не пускали. Здесь располагался форменный вертеп. По полу катались многочисленные пустые бутылки из под шампанского. Флотские ребята, быстро оценив прелести буржуазного бытия, перешли с плохого картофельного спирта на благородный искрящийся напиток и лакали его ящиками. Напившись, бродили по коридорам, подметая клешами мусор, сморкались в портьеры и гасили окурки об стену. Порхали, как феи, из одних кабинетов в другие дамочки в дезабилье. Время от времени вопли типа: «Атанда, братва, на рейде жрачка!», служили сигналом к приёму горячей пищи, доставляемой в термосах по приказу Центробалта.

Здесь же отливалась элита вооружённых сил будущей свободной Республики. Процессом заправлял легендарный матрос Дыбенко: дерзкий, своенравный, богатырской стати и наглого, лихого вида анархист. В проявлениях личного героизма на полях сражений он, однако, замечен не был. Подчиненные его ненавидели и, вместе с тем, побаивались. Позднее, вскочив на «большевистский бронепоезд», он неоднократно мелькал то там, то здесь, войдя в историю бабником, скандалистом, пьяницей и крайне ненадёжным, изворотливым типом. До определённого времени ему «фартило». Он понимался до самых вершин власти, а, упав в глубокую пропасть, поднимался снова. До тех пор, пока этот «паровоз» не остановили и некоторых товарищей не попросили с него сойти в 1938 году...

Третий, привилегированный, этаж занимала партийная верхушка – мозг восставшего из тьмы Левиафана, чудовища, играющего на низменных человеческих страстях, вынашивающего их, и ими же питающегося. В длинных коридорах и просторных залах ветер сумасшествия трепал занавески, хлопал дверьми и дико выл в вентиляционных трубах. Дух авантюры материализовался токами неизвестной природы, которые скакали искорками по зеркальной глади паркета и вонзались под кожу каждого вошедшего, как проникает бес в подавшающуюся искушению душу. Здесь обосновались готовящиеся стать разящим языческим оружием – молотом Тора главные большевики. Именно сюда и спешили Владимир Ленин и Эйно Рахья.

Лишь только они ступили на короткую аллею, ведущую к парадному входу в особняк, Ильич, изображавший до того сгорбленного больного старикашку, выпрямился, приосанился и, выпятив грудь, зашагал так быстро, что длинноногий телохранитель Эйно едва за ним поспевал. Ленин втянул ноздрями этот тяжелый, висящий над Смольным дух, пустил в уши

нестройный гул многочисленных голосов, почувствовал бегущие в наэлектризованной атмосфере токи, и им овладела жажда действия.

У трёхметровых дубовых резных дверей, сквозь которые сновал туда-сюда разнообразный люд, стоял часовой – здоровый бородатый детина в шинели и будёновке. Бойца покачивало, он был до синевы пьян. Не опасть вниз, как озимые, ему помогала винтовка со штыком, на которую он грузно опирался. Когда к дверям приближались люди, часовой угрожающе мычал и желающие войти в Смольный совали ему какую-либо бумагу. Тот накалывал её на острие штыка и снова уходил в нирвану. На стальном штыре были нанизаны мандаты, пропуска, пригласительные билеты, порнографические карточки и врачебные рецепты.

Перед этим красным апостолом Павлом, стерегущим ворота в райские кущи, Ильич затормозил, как бы любясь монументальностью воина Революции. Затем, со словами: «Закуси!», достал из кармана пальто завёрнутый в тряпицу бутерброд с финской саями и, развернув, протянул бойцу. Тот, привычным жестом наколот бутерброд поверх бумаг, издал гортанный звук и впал в привычное оцепенение. Резко повернувшись на каблуках к своему спутнику, будущий вождь мирового пролетариата с досадой, от волнения картавя особенно сильно, произнёс: «Вот, батенька, и с такими меззавцами мы собигаемся делать геволуцию!» Потом, на секунду-другую глубоко задумавшись, махнул рукой и, рассекая ладонью воздух, выкрикнул: «И сдегаем! Обязательно сдегаем!»

Пока Ленин следовал по первому этажу, окружающие смотрели на него неприязненно, как на чужака. Широким массам он был тогда еще не известен. Вождь в кепке примелькаться не успел и «нашим Ильичом» за глаза его ещё никто не называл. Мающаяся бездельем нетрезвая солдатня могла бы мигом взять маленького лысого интеллигентика на «гоп-стоп», однако видя его сопровождение в лице угрюмого, высокого, жилистого человека с холодными рыбьими глазами, потенциальные насильники просто зыркали по сторонам и нехотя сторонились.

Миновать матросские заслоны на втором этаже так просто, как они прошли часового на входе, Ленину и Рахье не удалось. Путь им преградили три крепких и наглых маремана. Главный из них, в ранге старшины первой статьи, развязано потребовал предъявить документы. Ильич достал из нагрудного кармана фальшивый паспорт на имя рабочего Иванова, и мандат на имя Ульянова-Ленина, который определял его принадлежность к партии (партбилеты появились позже). Флотские долго вертели эти бумаги в руках, передавая по кругу, рассматривали на свет, скоблили грязными ногтями печати, и, наконец, старший, презрительно бросив, дескать, «много вас таких, лениных-шлениных, здесь шастает», принял суровый вид. В качестве отступного балтийцы потребовали, чтобы желающие пройти либо сплясали матросский танец «Яблочко», доказав, что они настоящие матросы, либо спели «Интернационал», как сочувствующие революции. Ни Ильич, ни финн матросской хореографии не обучались, а слов «Интернационала» по-русски Ленин не знал. Бывало, на партийных сходках его сообщая голосили, однако, считая хоровое пение занятием босяцким, вождь лишь открывал рот. Рахья же вообще русский язык знал плохо, а музыкального слуха у него не было отродясь. Дело принимало дурной оборот. Ленинский телохранитель побледнел, сузил глаза и, играя желваками, стиснул в карманах рукояти наганов. Стоящий напротив старшина, на расстоянии вытянутой руки, медленно потянулся к кобуре маузера.

Ситуацию спас «Яшка-людоед», бодро сбегавший по лестнице вниз. Якова Михайловича Свердлова в Смольном знала, как говорится, каждая собака. Знала и побаивалась. Сам мичман Дыбенко, безжалостный, как штормовое предупреждение, иногда лебезил перед тщедушным,

но будто бы отлитым из стали евреем. Матросы слышали, Яшка может сожрать любого, с дерьмом и не поперхнется. Свердлов, завидев Ленина, широко развёл в стороны руки и бросился последнему в объятия. Матросы посторонились.

...Прозвище «людоед» Яшка привёз из ссылки. Так как оно точно соответствовало его натуре, то и закрепилось за ним в среде партийных соратников. Исходной причиной тому послужила детская Яшкина паническая боязнь темноты. Каким бы упрямым и жестоким он ни казался, как бы ни лютовал впоследствии – попав один в тёмное помещение, он тут же теряет самообладание и рассудок. Будучи сослан в дикий таёжный Нарым и живя среди болот по соседству со Сталиным, Свердлов денег на керосин не жалел. Круглые сутки в ветхой избе, куда его определили, не гас свет. Местные жители недоумевали: «Зачем ссыльный палит керосин по ночам?» По их убеждению, ночью господь велел всем спать, а те, кто его не слушает, тот нехристь!

Тогда, в 1911 году, европейские и российские газеты шумно галдели о «деле Бейлиса». Они изобиловали кровавыми подробностями и выдержками из протоколов сионских мудрецов (так называемое «дело», кто не знает, было сфабриковано во Франции и касалось того, что евреи якобы похищали христианских младенцев и использовали их кровь в своих каббалистических ритуалах).

Хотя Нарым был глухоманью в Томской губернии, кое-какие новости с большой земли доходили и туда. Аборигены тут же решили, что Яшка Свердлов, обладающий яркой семитской внешностью, по ночам препарирует младенцев, поедает их внутренности, а из них самих набивает чучела. Так и закрепилось за ним прозвище «людоед». Ответами на вопросы: «Где бы это Яшке красть детей? Каких? Куда он девал чучела?», местные пейзажи себя не морочили. Не помог и исправник, попрекавший селян в темноте и невежестве, – дом «людоеда» обходили стороной, им пугали детей и не здоровались даже издали. Всё шло к тому, что пребывание в Нарыме, закончится для Якова Михайловича чрезвычайно скверно. Вмешалось провидение. Партийные товарищи, устроили «Яшке-людоеду» побег всего лишь за сутки до того, как на сельском сходе было принято решение спалить еврея вместе с избой...

Яков Михайлович, сыгравший едва ли не ключевую роль в последующих событиях, неумолимо летал по лестничным пролётам с первого этажа на третий. Наверху, в обширных светлых аудиториях, товарищи по партии выпивали, закусывали и вели жаркие дискуссии, в которых Людоед принимал активное участие то на стороне Льва Троцкого, то Николая Бухарина, то ещё кого, а то и высказывая свою собственную точку зрения. Внизу же работал секретариат намеченного Съезда, фиксирующий пребывающих депутатов и прощупывавший позицию каждого персонально. Свердлов неусыпно следил за политическим барометром для того, что бы наперёд знать, куда, в какую сторону отклонится стрелка и когда можно будет нанести удар на опережение или «сделать ноги».

Соратники очень тепло встретили партийного вождя и непревзойдённого демагога, такой на Съезде был необходим для общего дела. Имелся, правда, ещё Лев Давидович Троцкий, но дремучая солдатская масса, особенно, матросы евреям не доверяли. Ленина усадили в глубокое уютное кресло и тут же преподнесли хрустальный, на длинной ножке, искрящийся лафитничек, наполненный водкой. Рахьё предложили стакан. Опрокинув в себя жгучую живительную влагу, Ильич тут же ощутил, как разливается тепло по озябшим членам и на душу снисходит особое умиротворение, свойственное состоянию, когда человек пережил страхи, опасности и лишения и, в конце концов, оказавшись в полной безопасности, позволяет себе расслабиться.

Однако состояние блаженства тем и ценно, что мимолетно. Уже через минуту неутолимый, как паровая машина, главный большевик вскочил на ноги и схватил трубку стоявшего на столе неподалёку телефонного аппарата. Трубка молчала. Товарищ Бубнов, отвечавший за партийные коммуникации, пожал плечами: «Телефонной связи нет уже несколько дней, юнкера пошаливают». Ильич, метнув на него из глаз молнии, наказал срочно, прихватив с десяток празднующихся по первому этажу солдат, отправляться к барышням. «Но не затем, – Ленин покрутил кистью руки в воздухе, – что там багышни, а затем, чтобы наладить устойчивую, телефонную связь! Вам всё ясно, товагиць?!»

Бубнов тут же, как говорится, был таков. Следующее задание ждало Феликса Дзержинского. Ему было поручено посетить на броневике Главпочтамт и забрать там пакет от немецкого Генштаба на имя Владимира Ильича Ленина. В пакете должны были быть соответствующие инструкции и, главное, деньги, которых, последнее время вождю очень не хватало. Посылка пришла ещё несколько месяцев назад, но кто-то из коллег, немецких социал-демократов, его сдал, и вокруг почтамта были устроены засады ищек Керенского, что бы взять Ленина «на живца» и публично объявить его немецким шпионом. Судебная власть того времени старалась придерживаться нравственно-этических норм и, чтобы объявить кого-либо мерзавцем или врагом, должна была привести веские неоспоримые тому доказательства. Немногим позже, уже можно было не обращать внимания на такие пустяки.

Железный Феликс на железном коне, вооружённым парой пулеметов, послужит высшим моральным аргументом и без труда привезёт ему немецкие «babken». А сидящие в кустах продрогшие переодетые агенты со своими «пукалками», обосрутся и ничего поделывать не смогут. Ильич почувствовал, как под шёлковой сорочкой наливаются свинцом дряблые мышцы, как начинает приятно свербеть внизу живота. Ещё немного и на лысой голове пойдут в рост волосы. Неотвратно наступает, наваливается его время, где будет главным он и никто другой!..

Боевика-анархиста, лохматого, нечёсаного Антонова-Овсеенко с группой матросов отправили в Зимний дворец вручить заседавшему там Временному правительству наскоро придуманный в соавторстве с Троцким меморандум. Бумага ничего особенного собой не представляла и имела цель исключительно заявить о себе любимых. В частности, настойчиво рекомендовалось повлиять на градоначальника Балка с тем, чтобы он окоротил своеволие юнкеров на ночных улицах города, а к утру организовал двухсотведерную бочку пива. Депутатов в канун открытия Съезда неплохо было бы похмелить. Вторым пунктом шло пространное рассуждение о том, что германцы, в сущности, не такой уж и плохой народ. Они изобрели бензин, психиатрию и ватерклозет, поэтому немедленного примирения со столь великой нацией требует историческая необходимость. А в завершении петиции предлагалось всем ныне действующим министрам присутствовать на открытии II Съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в качестве гостей, правда, без каких-либо гарантий личной безопасности, а так же участвовать в торжественном банкете, за собственный счёт.

Список неотложных дел замыкало поручение Льву Каменеву отправиться с ротой солдат, на Финляндский вокзал и обеспечить торжественную встречу супруге Ленина, Надежде Константиновне Крупской, а также нескольким другим жёнам главарей большевистской партии, которые прибывали ночным поездом. Солдат в эскорт отбирали не слишком пьяных и не слишком вонючих. Участие в мероприятии революционных матросов исключалось – все знали не понаслышке об их утилитарном подходе к особям противоположного пола и неудержимой

тяге грубо и похабно шутить. К тому же Каменев моряком не был, поэтому и авторитетом у балтийцев не пользовался.

Покончив с текущими делами и выпив ещё, оставшаяся большевистская верхушка переместилась в соседний зал, где умелец Кржижановский, в отличие от всех остальных соратников знавший азы естественных наук и состоявший в переписке с Николой Теслой, сконструировал «машину времени». Аппарат был способен, по его словам, за секунды переделать любого старорежимного холуя в истинного творца и носителя коммунистической идеи, созидателя и строителя светлого будущего. Тут же изобретатель предлагал опробовать чудо-механизм. Владимир Ильич, зачитывавшийся в отрочестве книгами Жюль Верна и Конан Дойла, очень интересовался постановкой опытов над живыми людьми и всячески их приветствовал. Машина времени Кржижановского представляла собой кресло, опутанное проводами, и, на первый взгляд, напоминало банальный электрический стул, на котором практичные американцы казнили приговорённых к смерти преступников. Но это только, если не вдаваться в детали. На самом деле устройство было куда как более сложным. По обе стороны головы предполагаемого «путешественника во времени» было приделано по большой медной тарелке, подобной тем, какие используют музыканты в оркестре, когда хотят извлечь громкий вибрирующий звук. С задней стороны спинки кресла Бонч-Бруевич приторочил несколько стеклянных колб с жидкостями и коллоидными газами. Жидкости бурлили в с разной интенсивностью, а газы цветасто опалесцировали. С боков кресла выдавались педали и рубильник. В воздухе висел и щипал ноздри стойкий запах озона.

Вошедшие в помещение десятка два большевиков, искренне заинтересовавшись, обступили диковину и загалдели. Изобретатель, запинаясь и стараясь их перекричать, делал попытки объяснить принцип действия аппарата, размахивая листками с рукописными теоретическими выкладками, но его никто не понимал и не слушал.

«Ну-с, испытаете?» – потирая руки, заговорщически обвёл присутствующих озорным взглядом Ильич, когда ажиотаж немного стих и страсти успокоились. В возбуждённой атмосфере повисла тягостная немая пауза. Понятно, ни один еврей, которых здесь было большинство, не собирался приносить себя в жертву физике-самоучке, пусть даже и любимцу вождя. Участие в эксперименте самого Ленина по понятным мотивам исключалось, да он и сам был не дурак. Поляки стояли, понурившись, опустив долу взгляды. Бонч-Бруевич и был поляком, а поляку от поляка, как убеждала история, ничего хорошего ждать не приходилось. Побайвались, однако. Конечно, можно было на это дело подписать товарища Рахью. Он бы наверняка согласился, но, к сожалению, финн, оставшись без присмотра, выпил несколько стаканов водки без закуски, от этого пребывал в коматозном состоянии и для чистоты эксперимента не годился. Товарищ Бубнов отбыл с поручением. Молчание затягивалось. Тогда наиболее хитрые большевики Бухарин и Луначарский, теснясь бочком, вытолкнули на всеобщее обозрение грузина Кобу.

Иосиф Виссарионович Сталин тогда ещё большим авторитетом в партии не пользовался. Он плохо говорил по-русски и очень сильно заикался. Идея принести в жертву науке будущего «отца народов» даже сейчас, по прошествии почти сотни лет, выглядит кощунственной, но в то время он еще мало чем себя проявил и никто его не жалел. Коба имея незаконченное духовное образование, был искренне убеждён, в том, что дьявольская машина не может в одночасье перевернуть мироздание человека в лучшую сторону, однако, оказавшись в центре внимания и будучи истинным кавказцем, не мог давать задний ход. Картинно отказавшись от предложе-

ния «махнуть для храбрости» он окинул товарищей высокомерным, презрительным взглядом и уселся в кресло. Соратники одобрительно загудели.

Кржижановский, произведя нехитрые пассы руками, покрутил педали и, выдержав паузу, насладившись моментом, когда все присутствовавшие в ожидании чуда пооткрывали рты, дёрнул рубильник. Тут же сверкнули синие молнии, заискрило, послышался треск, а в самом Смольном и округе погас свет. В Смольном и его округе воцарилась крошечная тьма, лишь блики от горевших во дворе костров плясали на окнах. Послышался протяжный страдальческий стон, вздох и короткое «Щеде де да мутхе!» (непристойное грузинское ругательство – прим. авт.), явственно услышанное всеми в наступившей тишине.

Из состояния оцепенения большевиков вывел прогремевший на улице выстрел и следовавшие за ним истерические вопли Яшки-людоеда. Неожиданно оказавшись в темноте, Свердлов впал в состояние помрачённого сознания и выскочил на улицу. Выхватив у стоявшего в дверях часового винтовку с нанизанным на штык бутербродом, и тем самым повалив солдата в грязь, пальнул в воздух. На втором этаже будто бы только этого и ждали. Пьяная застоявшаяся матросня с воплями «Даёшь революцию!» стала бросать мебель в окна. Рабоче-крестьянские депутаты, неорганизованно, толкаясь, и топчя друг друга, стали рваться на улицу, стреляя на ходу и бросая гранаты. Именно здесь появились первые жертвы Великой Октябрьской социалистической революции. Именно в этот момент был запущен отсчёт времени до начала кровавой, братоубийственной гражданской войны.

...Матрос Железняк на крейсере «Аврора» службы не проходил, однако, как представитель Центробалта, был вхож на любой корабль и любой командир или капитан обязаны были ему по выражению новой власти «лизать ботинки». В тот злопамятный вечер анархист Железняк бражничал со своими подельниками как раз на «Авроре». Когда он изрядно накидался, в нём привычно разыгралась революционная бдительность. Покинув кают-компанию, бравый матрос и отправился бродить по крейсеру, проверяя караулы. Съездив несколько часовым по физиономии, чтобы знали пролетарский, матросский кулак, легендарный балтиец остановился покурить у носового орудия. Грозный холодный ствол смотрел в сторону Зимнего дворца на Сенатскую площадь, где, скрываясь от кинжального дующего с Невы ветра, разношерстный, напичканный мятежными идеями люд пьянствовал и грелся у костров. Все они, уже не солдаты российской армии, были до зубов вооружены, и штатскими считать себя отказывались. Дальнейшее свое приложение, в плане личного обогащения они видели соответственно большевистскому лозунгу «Грабь награбленное». Награбленного в России было много, однако потенциальные грабители стояли в очередь, неизмеримо большим числом. С винтовкой расставаться никто не спешил, а про мирный, созидательный труд забыли вовсе.

Матрос стоял у оружейного затвора, пряча в кулаке тлеющую папиросу. Хлестал мелкий дождь. Бушлат героя был застёгнут наглухо, воротник поднят. Ленточки бескозырки завязаны под подбородком, чтобы ветер ее, гордость и душу моряка, не сорвал и не унес в тёмные клокочущие волны. Раскачивалась и била по коленке деревянная кобура тяжёлого маузера. Таким позже этого завязанного громилу и бузотера благодарные потомки отливали в бронзе и расставляли подобно шахматным фигурам на привокзальных и припортовых площадях мелких, и не совсем, советских городишек.

И тут откуда-то из глубины темного города послышалась беспорядочная стрельба. На Сенатской площади случилось оживление, дезертиры мелкими группками стали перебегать от костра к костру и отчаянно размахивать руками. Прогремел выстрел, затем второй. «Даешь буржуя!» – решил пьяный Железняк и сам себе, скомандовав «Товьсь!», неприязненно посмотрел на снующих по площади людей в смотровую прорезь бронированного пушечного щита.

Окопников, несмотря на классовую близость, он презирал и держал не более чем за вшивый корм.

За всю свою недолгую флотскую карьеру Железняку так ни разу и не довелось пострелять из пушки. Всё больше кочегарил по трюмам, драил палубу и сидел на гауптвахте. Ему очень хотелось пальнуть, тем паче из главного калибра. «Палундра!» – проорал он в ночь и дёрнул рукоять затвора 152-миллиметрового носового орудия. Пушка дрогнула и с оглушительным грохотом выплюнула осколочный снаряд в направлении Зимнего дворца. Палубу заволочло едким пороховым дымом.

Снаряд разорвался на площади. Из девяти мятежников, погибших при штурме Зимнего семерых, говорят, посеколо его осколками. Ещё двоих затоптали в давке. Все, кто был на открытом воздухе, в поисках спасения устремились внутрь дворца. Огромная людская масса ручьями растекалась по великолепным сверкающим залам. И этот неукротимый, дурно пахнущий поток было уже не остановить. Примерно такую же картину можно было наблюдать за полторы тысячи лет до этого, когда орды Алариха наполняли улицы вечного города Рима.

В этот самый момент, Антонов-Овсеенко вручал Временному правительству меморандум. Предвидя дурной поворот событий, и воспользовавшись суматохой, видный большевик предпочёл покинуть дворец и укрыться за стенами рavelинов Петропавловской крепости. Следом за ним туда бежали и некогда чопорные, а теперь полностью сникшие члены Временного правительства. Уже оттуда, из каморки коменданта, он связался со Смольным, вызволив лично Владимира Ильича Ленина. Усилиями товарища Бубнова связь к этому моменту была уже восстановлена. Вождь, выдающийся интриган и революционный тактик, используя момент, объявил Временное правительство низложенным и приказал Антонову-Овсеенко рассадить по камерам теперь уже бывших министров, больше для того, что бы сохранить их от самосуда разбушевавшейся толпы.

...Жёны высокопоставленных большевиков, которых должен был встретить Лев Каменев, в урочный час не прибыли – поезд опоздал. Заслышав пальбу, бывший царский боевой офицер приказал штатским покинуть помещение, а эскорту занять круговую оборону. Вскоре вокзал опустел и, по словам советских историков, полностью перешёл в руки восставших.

Повоевать самую малость, пришлось лишь Железному Феликсу – найти посылку для Ленина было не просто. Почтамт, дедушка «Почты России», был доверху завален всяким хламом, и найти там что-либо определённое в короткие сроки не представлялось возможным. Как только в городе начались беспорядки, десятка два хозяйничавших в окрестностях уголовников, в надежде поживиться окружили здание. Однако несколько геройских пулемётных очередей рассеяли их в темном ненастье...

К утру Владимир Ильич Ленин торжественно объявил соратникам, что с сего момента вся власть в стране переходит под их совместный контроль. Теперь, когда переворот удался, перед ними встала непростая задача: без драки и обид поделить между собой министерские портфели, обозначив персональные сферы влияния, соответственно, привилегии и ещё множество, как говорил Ильич, «архиприятных вещей». По воспоминаниям современников солидный, всегда одетый по последней моде интеллигент Луначарский, которому достался пост наркома культуры, носился по коридорам Смольного, подпрыгивая как ребёнок, с криками: «Получилось! Получилось!».

...Иосиф Виссарионович Сталин остался жив и даже перестал заикаться. Но стал более угрюм, замкнут и гневлив. Из уважения к его способности жертвовать собой ради общего дела, соратники специально под него создали Наркомат по делам национальностей. Собственно,

с этой должности Коба и начал восхождение к заоблачным высотам абсолютной власти. А случай с электрическими опытами оставил в его душе глубокий, неизгладимый след, в виде латентного антисемитизма. Ну, а как он поступил с Польшей и поляками и, все мы знаем.

Экспериментов по созданию нового типа человека, посредством электрического разряда в России больше не проводили. Дальнейшая судьба изобретения Кржижановского также не известна. Нельзя так просто, с кондачка, в одночасье, переделать, чей либо менталитет по своему усмотрению. Это растянутый во времени кропотливый и сложный процесс. Ждать результатов селекции, отсекая острым ножом всё лишнее, необходимо десятилетиями. Главное – быть упорным и последовательным. Ленин только поставил на огонь, этот бульон, в котором стали, бешено размножаться новые виды инфузорий, давящих псевдоподиями друг друга и в него же гадящий. А Иосиф Виссарионович вдохнул в эту науку, если так можно выразиться, жизнь, разработал методики, провёл статистику, и оставил завет, или как говорят сейчас, дорожную карту. И нельзя сказать, что у него ничего не получилось. Зёрна, ещё не так давно казавшиеся пропавшими, на нынешней благодатной почве дают всходы. И вот они, во всей красе – путиноиды, зачатые когда-то дедушкой Лениным и лезущие на свет один за другим, все в большем и в большем количестве, как злобное войско, взошедшее из зубов дракона, посеянных Ясоном в Колхиде в далёкие мифические времена. И некому бросить камень, нарушить их мерзкий строй. А, значит, ждут нас скверные времена...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.